

КНИГА ПЕРВАЯ

Мать Энеева племени! радость людей
и бессмертных!

О всеблагая Венера!¹ Средь плавно бегущих
созвездий

Свет проливаешь ты радостный на судоходное море
И плодоносную землю! Все сушие в мире созданыя
Жиждутся только тобою и видят лучистое солнце —
Ветры бегут пред тобой, в небесах облака разгоняя.
Где появляешься ты, там искусница-почва цветами
Путь устилает тебе; улыбается тихое море,
И, успокоившись, небо все блещет лучистым
сияньем.

Как только милый свой лик открывает весна
молодая

И освобожденный Фавония творческий дух оживает,
В воздухе птицы сперва возвещают твое явление,
Властно объятые мощью твоею до самого сердца.
Вслед же за ними и звери бегут на привольные
пастьбы,

Переплывая ручьи. И таким образом твари живые
Вслед за тобою идут все, куда ты их манишь,
Силою чар упоительных и красотою влекомы.
Словом, повсюду: на море, в горах, в быстротечных
потоках,

В чаще лесов густолиственных и в зеленеющем
поле —
Будишь во всяком ты сердце любви сладострастное
чувство
С тем, чтоб оно возродилось в грядущих затем
поколеньях.
Так как единая ты управляешь природой вещей
всех,
Так как и света ничто на земле без тебя не увидит,
И нам же не мило ничто, и ни в чем без тебя нет
отрады,
То об участьи твоём я прошу при создании поэмы,
Где о природе вещей говорить я отныне пытаюсь,
Нашего Меммия² к сыну, которому ты, о богиня,
Быть украшеньем во всем и во все времена
повелела.
Вечную даруй затем красоту моей речи, богиня,
И ниспошли всяким подвигам диким военного дела
Тихую дрему во все это время на море и суше!
Так как одна только ты человечеству можешь
доставить
Радости мира, тогда как делами жестокими брани
Оружевластный Мавор³ управляет. К груди твоей
часто
Он припадает, сраженный любви вековечную
раной,
И, приподнявшись к тебе с запрокинутой шеей
суровой,
Жадные взоры любви на тебе насыщает, богиня,
И у тебя, возлежащей, дыхание уст он впивает.
Тут-то обвей его телом священным и нежные речи
С уст испусти, умоляя о сладостном мире для
римлян.

Ибо никак не могу обсуждать свой предмет
я спокойно,
Зная опасность в отчизне, а Меммиев сын
благородный
Также не может притом от общественных дел
уклоняться.

Ухо, однако, ко мне ты склони с напряженным
вниманием,
Бросив заботы свои, и правдивому внемли ученью.
Дара того, что из преданной дружбы тебе предлагаю,
Не отвергай ты, доколе его не познаешь всецело.
Здесь о богах и о неба высокой природе с тобою
Речь я начну и открою вещей основное начало⁴,
Коим все зиждется, крепнет, растет и плодится
в природе;
Также — во что претворяет природа все вещи
по смерти.
Это начало — материя, *тельца вещей родовые*,
Как позволяю себе я назвать то в дальнейшем
ученьи,
Или *зачатки вещей*, — подходящее также название, —
Или же *тельца первичные*, так как из них все
возникло.
Что до природы богов, то она в существе
непреренно
Радости жизни бессмертной в покое наивысшем
вкушает,
Чуждая нашим делам и от нас удаленная очень.
Так как свободна она от опасностей всех и печали,
Собственной силой мощна и от нас не зависит
нисколько,
То ни добром не пленяется вовсе и гнева не знает.

Сильно боюсь я притом, чтобы как-нибудь
ты не подумал,
Будто ученья сего нечестивые свойства к пороку
Путь указуют тебе, между тем как религия эта
Часто сама побуждает к преступному, грешному
делу,
Как это было в Авлиде. На жертвенник Тривии⁵
чистой
Пролита кровь Ифигении⁶ юной была святотатно
Рати данайской вождями, мужами первейшими
края.
Как только голову дева покрыла священной
повязкой,
Что, по щекам ниспадая, лицо с двух сторон
окаймляла,
И увидала отца она, тут же стоявшего в грусти
У алтаря, и прислужников, скрывших орудие
смерти,
И проливавших при этом горячие слезы сограждан,
В страхе она онемела; к земле подогнулись колени.
Не послужило несчастной к спасенью и то, что
впервые
Именем нежным отца ею назван был царь
Агамемнон.
Всю трепетавшую вмиг ее на руки воины взяли
И на алтарь понесли; но не с тем, чтоб, окончив
обряды,
К светлому богу примкнула она, Гименею, но чтобы
Жертвою пала, рукою отца святотатно закланной,
Девственно-чистая, в светлый, торжественный день
ее брака:
Да ниспошлется удача и счастье в отплытии флоту!
Вот к изуверству какому религия может понудить.

Может быть, также и ты из-за вымыслов страшных
поэтов
Станешь ученье мое избегать, как всегда то бывает.
В самом же деле великое множество можно
измыслить
Грез и видений, которые, строй целой жизни
нарушив,
Смуту внести бы могли в наше счастье при помощи
страха.
Истинно: если бы смертные видели, что существует
Горестей верный конец, то могли б они так иль
иначе
Противостать как религиям, так и угрозам поэтов.
Ныне же к этому нет у них средств и прямых
оснований,
И потому вечных мук после смерти все люди
страшатся, и
Так как природу души совершенно не ведают люди:
В чреве ль родится она, иль внедряется после
рождения?
Гибнет ли наша душа, отделившись от тела
по смерти?
В Оркуса⁷ мрак ли нисходит, в пустых ли витает
пространствах
Или по воле богов переходит в различных
животных,
Как поучает наш Энний, который принес нам
впервые
Вечно зеленый венок с благодатных высот Геликона,
Громкою славой почтенный у всех италийских
народов?
Все ж, хотя Энний в стихах своих, вечно
бессмертных, толкует

Между всем прочим о том, будто есть Ахерузии
пропасть,
Но не тела и не души людей в тех местах
пребывают,
А лишь поблеклые призраки необычайного вида.

Он вспоминает, что призрак цветущего вечно
Гомера,
Вставший оттуда пред ним, проливая соленые
слезы,
Стал говорить и природу вещей объяснять ему
словом.

А потому надлежит изучить нам внимательно вещи
Высшие: то, по какому закону свершают движенье
Солнце и месяц и силой какой управляются вещи
Здесь, на земле, а затем мы рассмотрим
внимательным оком,
Что же собой по природе наш дух и душа
представляют;
Также те вещи, которые, нам наяву представляясь,
Ум наш пугают во сне и в припадке тяжелой
болезни,
Так что нам кажется, будто мы явственно видим
и слышим
Мертвых, останки которых давно уж прияты
землею.

Я не скрываю в душе: рассуждения темные греков
Очень мне трудно стихами латинскими выразить
точно.
Кроме того, в выражениях новых сказать я о многом
Должен ввиду новизны содержания и бедности
речи.

Но твои доблести, Меммий, а также надежда
на радость
Сладостной дружбы твоей все ж к работе меня
вынуждают
И заставляют меня посвящать ей бессонные ночи
В поисках слов и стихов подходящих, при помощи
коих
Мне б удалось озарить твою душу познания светом,
Чтобы ты видеть мог ясно глубоко сокрытые вещи.
Ныне не стрелами яркими дня и не солнца
лучами
Надо рассеивать ужасы и помрачение духа,
Но изучением и толкованьем законов природы.
Первоначальное правило ставит природа такое:
Из ничего даже волей богов ничего не творится.
Страх суеверный однако же смертных настолько
объемлет,
Что и в вещах, наблюдаемых здесь, на земле
и на небе,
Многое соизволением богов объяснять они склонны,
Главной причины явлений добиться никак не умея.
Раз мы уверены в том, что ничто создаваться
не может
Из ничего, то вернее пойдем мы предмет изучения:
Именно то, из чего могут вещи родиться, а также —
Где, каким образом зиждется все без участия
бессмертных.

Если бы из ничего созидалось что-либо, то также
Все существа породить бы могли без семян что
угодно:
Люди водились бы в море, в земле же могли бы
родиться

Чешуеносные рыбы и птицы, а с неба сбежало б
Стадо скота, и породы неведомой хищные звери
Жили бы вместе в пустынных местах и краях
населенных.

И не всегда однородные были б плоды на деревьях,
А вперемешку плоды все росли бы на дереве всяком.
Так что, не будь родовых таких телец у особи
каждой,

В чем состоять бы могло постоянство зачатья
в природе?

Ныне рожденье существ от зачатков известных
зависит;

Только оттуда они возникают и жизнь получают
Там лишь, где есть их материя, их родовые
зачатки.

А потому невозможно, чтоб все из всего возникало,
Так как известным созданьям присущи известные
свойства.

Кроме того: для чего созерцаем мы розу весною,
Злаки же летом, а осенью сладостной лозы,
Как не затем, чтобы все семена собирались во время
Определенное, чтоб сообразно со временем года
Все раскрывались создания и животворная почва
Отпрыски нежные вынести к свету могла
безопасно?

Из ничего существа нарождались бы сразу,
к любому

Сроку и без соответствия каждому времени года,
Так как в них не было б телец первичных, развитие
коих

Несоответственным временем года могло б
задержаться.

Не было б, далее, нужды во времени также для
роста
Всяких зародышей, если бы из ничего возникали.
Сразу б из малых детей существа становились
юнцами,
И густолиственный лес из земли вырастал бы
мгновенно.

А между тем ничего не бывает подобного. Твари
Всякие мало-помалу растут из известных зачатков,
Род свой притом сохраняя. Поэтому можешь ты
видеть,
Что из материи собственной все возрастает на свете.

Также заметь, без дождей, каждый год в свое время
идуших,
Почва создать не могла бы плодов своих
многоотрадных,
И не могли бы породы животных, лишённые пищи,
Ни размножаться, ни длительность жизни себе
обеспечить.

Правда, во многих вещах ты присутствие можешь
заметить
Тел однородных, как в разных словах одинакие
буквы,
Но невозможно ничто без порядка вещей основного.

Кроме того: почему не дала человеку природа
Крупных размеров таких, чтобы мог он шагать через
море,
С помощью рук же своих вырывать высочайшие
горы
Или течение веков побеждать долголетием жизни?
Не потому ль, что созданыя все определяются только

Свойством известным материи той, из которой
родились?
Должно нам, значит, признать, что ничто
народиться не может
Из ничего, но зародыши нужны, чтоб всякая особь
Свет увидала и сладостный воздух вкусила
с рождением.

Мы, наконец, отличаем всегда от возделанной почвы
Новь непочатую. Труд над землею плоды улучшает.
Значит, находятся в почве самой уж первичные
тельца,
Производительность коих мы можем усилить, сохую
Тучные глыбы земли шевеля и поля разрыхляя.
Не существуй таких телец в земле, то без наших
стараний
Все бы само по себе улучшалось в нашей природе.

Надо заметить еще: разлагает природа все вещи
На составные частицы, пропасть же ничто в ней
не может.
Если б погибнуть могли составные частицы все эти,
То существа умирали б, внезапно из глаз исчезая,
Ибо не нужно бы было усилий к тому, чтоб частицы
Разъединить в каждой вещи и связь между ними
расторгнуть.
Ныне, когда составляется все из бессмертных
зачатков,
Не допускает природа, как видишь ты, смерти,
доколе
Сила не явит себя, иль ударом предмет разрушая,
Или его разлагая, проникнув вовнутрь чрез
пустоты.

Кроме того, если б время совсем истребляло
в природе
Все то, что старость отъемлет, материю всю
поглощая,
Где б почерпнула Венера, чтоб новых существ
поколенья
К жизни призвать? И откуда б сырая земля
добывала
Нужное все для кормленья и роста тех
новорожденных?
Чем пополнялось бы море, ручьи, дальноводные
реки?
Как и откуда эфир наполнялся бы сонмом
созвездий?
Будь те первичные тельца подвержены смерти,
давно бы
Вечное время в прошедшие дни поглотило природу.
Если ж в прежнее время всегда они существовали,
Изо дня в день обновляясь и новые вещи рождая,
То несомненно, что одарены они вечной природой.
Вследствие этого вещи не могут в ничто обратиться.

Если при этом материя вечная прочною связью
В большем иль меньшем размере частиц бы своих
не скрепляла,
То одинаковой силой могли б разрушаться все вещи,
Прикосновенье простое тогда причиняло бы гибель.
Там, где всецело кончается область материи вечной,
Сила любая способна расторгнуть сцепленье
в частицах.
Ныне ж, когда все сцепленья частиц меж собою
различны

И неизменны лишь сами частицы материи вечной,
То пребывают они невредимы в предметах, доколе
Связь не нарушена их приложением достаточной
силы.

Не пропадает бесследно ничто, но в своем
разложены
Все возвращаются вещи на лоно материи снова.

Так исчезают дожди, что родитель Эфир с небосвода
В недра сокрытые матери нашей земли низвергает.
Тучные жатвы затем вырастают, деревья ветвями
Все зеленеют, растут, от плодов изобильных
сгибаясь.

Люди и звери в дарах тех земли добывают питание,
И расцветают от них города поколением юным.
Пение птиц раздается в лесах густолиственных
всюду;

Стадо скота, отягченное жиром, на пастбищах
тучных,

Отдых вкушая, лежит, и сочится молочная влага
Из переполненных вымен, подростков же юное
племя

В прихоти детской своей, под влиянием молочного
сока,

Резво играет на нежной траве, неумело ступая.
Значит, не гибнет бесследно ничто из того, что мы
видим,

Но возрождает природа одно из другого. Не может
Вещь народиться одна, пока не погибнет другая.

Как я сказал уже, из ничего не рождаются вещи,
Также не могут они, народившись, в ничто
обратиться.